

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИМИ ПАРТНЕРАМИ СОВМЕСТНЫХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

И.М. Авласенко (Минск)

1990-е – 2000-е гг. отметились рядом военных операций, осуществлённых США совместно с их европейскими союзниками. В этом ряду можно перечислить авиабомбардировки позиций боснийских сербов в 1995 г., Югославии в 1999 г., афганская и иракская кампании. В то же время в последнее время намечаются новые тенденции в процессе проведения совместных операций, которые влияют на формат взаимоотношений между трансатлантическими партнёрами. Таким образом, *цель* данной статьи – очертить данные тенденции и выявить их причины.

На протяжении 1990-х – 2000-х гг. главным инициатором проведения подобных военных кампаний являлись Соединённые Штаты. Именно они обладали внушительным организационным ресурсом [4, р. 25 – 37], который позволял им мобилизовать европейских партнёров для поддержки собственных действий. Как показали операции НАТО 1995 и 1999 гг., США обладали военным потенциалом, достаточным, чтобы осуществить таковые акции в одиночку. Тем не менее, в 1990-е гг. Америка не решалась самостоятельно начинать ту или иную кампанию, стремясь заручиться поддержкой своих европейских союзников. В частности, операция против боснийских сербов не начиналась вплоть до 1995 г. из-за противодействия ей со стороны наиболее крупных союзников – Великобритании, Франции, Германии, – хотя США имели намерения осуществить бомбардировку уже в 1993 г. Тем не менее, опыт привлечения НАТО к тем или иным военным операциям выявил определённые недостатки данного подхода. Потенциальная возможность Греции заблокировать решение о начале военной операции «Союзная сила» в 1999 г. осложняла перспективу частого использования НАТО, где решения принимаются консенсусом, в качестве институционального инструмента проведения кампании. В связи с этим последующие кампании – афганская и иракская – фактически начинались уже в формате «коалиции желающих» («coalition of willingness», то есть организованных не по институциональному принципу, а объединяющих лишь заинтересованных участников). Однако даже при формальном участии альянса в целом (например, в афганской кампании, миссия ISAF) основную роль играли лишь несколько ключевых, наиболее боеспособных государств, что и в данном случае фактически позволяет говорить о «коалиции желающих».

Главным инициатором указанных кампаний являлись США, но всё же события в Ливии 2011 г., текущая операция в Мали показывают, что отдельные государства Европы (Франция, Великобритания) также стремятся выступить в роли

лидеров. В последнее время стало заметно намерение США воздерживаться от артикуляции необходимости военного решения той или иной проблемы. Этому способствовали следующие факторы: во-первых, большие человеческие и финансовые издержки афганской и иракской кампаний заставили США вообще пересмотреть подход к осуществлению военных операций, сделав упор на иные методы их ведения (использование беспилотных летательных аппаратов, организация точечных спецопераций); во-вторых, ухудшение имиджа на международной арене и сложности с организацией союзников в привлечении их к данной акции. Недовольство многих европейских государств вызвало то, что США в качестве предложения для осуществления той или иной кампании стали фактически использовать собственные национальные интересы, завуалированные под потенциальные угрозы международной безопасности (обозначенные в Стратегии национальной безопасности США 2002 г.) [5, р. 5 – 16]. Наиболее характерным примером оказалась операция в Ираке. Очевидно, что в таких условиях невозможно будет добиться от европейских союзников консолидированной позиции по поддержке американских действий, что ранее показал трансатлантический кризис 2003 г.

Относительная пассивность Соединённых Штатов на фоне бурных событий в Северной Африке и Ближнем Востоке в 2011 г. усилила внешнеполитическую активность Франции и Великобритании на данном направлении.

В последние годы происходит постепенная смена парадигм вмешательства во внешнеполитическую активность трансатлантических партнёров. Так, в течение 1990-х – первой половины 2000-х гг. основным объектом военных операций фактически становились режимы, не удовлетворяющие западные государства по тем или иным причинам: С. Хусейна в 1991 и 2003 гг., С. Милошевича в 1999 г., талибов в Афганистане в 2001 г. При этом главная ставка США и их союзников во время операций делалась на авиаудары (в качестве основной меры либо подготовительной), которые сводили вероятность собственных потерь к минимуму. Для того чтобы максимально снизить жертвы среди гражданского населения, применялись высокоточные системы наведения, хотя это не могло полностью исключить гибель мирного населения. Однако затянувшаяся операция в Афганистане и нынешняя ситуация в Мали показывает, что в последнее время основным театром боевых действий становится дестабилизированное государство, а основным противником – разветвлённые сети исламистских организаций, участники которых могут легко раствориться среди гражданского населения. Это заставляет изменить форму вмешательства в кризисные ситуации такого рода. В настоящее время приоритет отдаётся использованию бесконтактных средств уничтожения (например, беспилотных летательных аппаратов) либо активной наземной операции, осуществляемой с помощью мобильных сил быстрого реагирования.

Сложность осуществления совместных операций западных союзников в Северной Африке и на Ближнем Востоке в последнее время обуславливается также и тем, что любая подобная акция европейцев и американцев в мусульманском мире фактически воспринимается как поход «крестоносцев» либо «колонизаторов». Европейцы заслужили такую репутацию в силу африканского колониального прошлого, а американцы – из-за негативного имиджа в связи с операциями в Афганистане и особенно в Ираке. Это снижает возможность развёртывания масштабной совместной военной кампании, а также снижает вероятность начала подобной акции под спорным предлогом, как в случае вторжения в Ирак в 2003 г. Указанный фактор говорит о том, что западные государства теперь стремятся осуществить любую военную операцию в данном регионе (в том числе и операцию в Мали) в кратчайшие сроки с наименьшими потерями. После чего контроль

над ситуацией будет как можно скорее передан международной миссии (главным образом, под эгидой ООН либо Африканского союза) с целью долгосрочной операции по стабилизации.

Сирийская гражданская война стала ярким примером ещё одной формы вмешательства в конфликты – так называемой «опосредованной войны» («проху wag»). Это явление неоднократно имело место в годы «холодной войны», когда две сверхдержавы избегали прямого военного столкновения, а использовали локальные конфликты для противоборства друг с другом. Данный метод позволяет влиять на ход военных действий без прямых потерь, однако включает иные риски: так, в случае смены режима не исключён приход к власти радикалов-исламистов даже путём парламентских выборов. Вероятно, что после падения режима Б. Асада (в случае развития ситуации по такому сценарию) к власти в Сирии также придут исламисты, в ином же случае есть риск дальнейшей дестабилизации государства по малийскому сценарию. Чтобы минимизировать такую опасность, США уже сейчас готовят специальные точечные операции по ликвидации и нейтрализации наиболее радикальных участников конфликта [2]. В дальнейшем вполне вероятно, что весомую роль в подобном вмешательстве будут играть различные диверсионные группы, задачей которых будет дестабилизация «неудобного» режима с целью усиления позиций его внутренних политических конкурентов либо подготовки почвы к прямому военному вторжению.

Существует ещё один фактор, который снижает вероятность осуществления полномасштабной совместной военной операции по иракскому сценарию. С приходом к власти Б. Обамы фокус американской внешней политики начал постепенно смещаться с Ближнего Востока в сторону Восточной Азии. Ключевым моментом данного процесса стало выступление Б. Обамы в парламенте Австралии в ноябре 2011 г. [3]. Главные вызовы для США в данном регионе представляют рост экономической и военной мощи КНР, а также провокационная внешняя политика КНДР. Тем не менее, восточноазиатская система международных отношений находится в состоянии «конфронтационной стабильности» (по выражению А. Богатурова [1]), т.е. при наличии напряжённости в отношениях отдельных государств региона всё же удастся избежать эскалации крупномасштабных вооружённых конфликтов. С другой стороны, вмешательство европейских партнёров в восточноазиатский конфликт (в случае его возникновения) также маловероятно в силу географической удалённости региона от Европы, что снижает необходимость для США координировать свои действия с ними. Тем не менее, угроза радикального исламизма и его активизация на просторах Северной Африки и Ближнего Востока также приковывает внимание США и ЕС к данному направлению.

Таким образом, можно говорить о том, что в нынешних условиях трансатлантические партнёры постепенно меняют подход к осуществлению совместных военных операций. В ближайшее время главная ставка будет делаться на максимальное использование бесконтактных методов ведения боевых действий, на проведение точечных спецопераций и на привлечение сил мобильных бригад. После проведения операций инициаторы кампании будут стремиться незамедлительно передать ситуацию под ответственность международной миротворческой миссии под эгидой ООН либо местной региональной организации (например, Африканского союза). Рассмотренные выше примеры показывают, что в начале таких кампаний задействованы лишь наиболее активные участники, что означает фактическое применение формата «коалиции желающих». Вовлечение всё большего количества государств мира в те или иные миротворческие миссии позволяет гово-

рять о том, что подобные операции, даже инициированные трансатлантическими партнёрами, приобретают всё более широкий международный характер.

1. Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945 – 1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
2. CIA begins seizing up Islamic extremists in Syria for drone strikes // Los Angeles Times [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/middleeast/la-fg-cia-syria-20130316,0,3989647.story>. – Date of access: 18.03.2013.
3. Remarks By President Obama to the Australian Parliament // The White House Official Website [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>. – Date of access: 18.03.2013.
4. Tanaka, A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? / A. Tanaka // Prospects for Global Order. Vol. 2 / S. Sato and T. Taylor (eds.). – London: The Royal Institute of International Relations, 1993. – P. 25 – 37.
5. The National Security Strategy of the United States of America. – September 2002. – vii+31 p.